

*Лебеденко Н. П.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего языкознания,
славянских языков и мировой литературы
Измаилского государственного гуманитарного университета*

И. С. ТУРГЕНЕВ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК СИМВОЛИЗМА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

Аннотация. В статье предпринята попытка с нетрадиционной для современного литературоведения точки зрения осмыслить творчество И.С. Тургенева как предшественника символизма с опорой на эстетическую рецепцию его художественного наследия представителями русского символизма. Мистическое содержание, символы и импрессионизм как ключевые параметры символизма, сформулированные Д. Мережковским в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в литературно-критических очерках представителей этого течения проецируются на творчество И.С. Тургенева.

Ключевые слова: символизм, эстетика, рецепция, предшественник, наследие.

Постановка проблемы. 2018 год богат на круглые юбилейные даты в истории русской литературы: исполняется 200 лет со дня рождения И.С. Тургенева; 150 лет Максиму Горькому, 100 лет Александру Солженицыну. В статье мы предприняем попытку осмыслить с нетрадиционной точки зрения современного литературоведения творчество И.С. Тургенева как предшественника символизма с опорой на эстетическую рецепцию его художественного наследия представителями русского символизма.

Вопрос эстетической оценки личности и творчества И.С. Тургенева представителями русского символизма поднимался в работах Е. Андрущенко, Д. Максимова, З. Минц, В. Мусатова, Н. Крутиковой, Л. Фризмана, других известных литературоведов. Однако проблема преимущественно заявлялась в контексте осмысления других тем. Примером может служить обширная статья З. Минц «Блок и традиции русской демократической литературы». Автор анализирует связи творчества поэта с классической русской литературой XIX века, касаясь и блоковской оценки И.С. Тургенева, которая довольно далека от привычной, нивелирующе-лестной.

Изложение основного материала исследования. Говоря о растущем в 1907–1908 годах интересе А. Блока к «шестидесятникам», З. Минц отмечает следующий факт: «Даже Тургенев, ощущение «либеральной анемичности» которого Блок пронес почти через всю жизнь, <...> привлекает поэта» [12, с. 288]. И далее исследовательница приводит пометки Блока в «Записных книжках» от 21, 28, и 30 сентября 1908 года, в которых И.С. Тургенев называется в ряду писателей, «напряженно размышлявших о роли народа в истории и о проблеме «стихий и культуры» [12, с. 288]. Однако при обилии тонких и, как всегда у З. Минц, удивительно точных и глубоких наблюдений эта тема не получает в указанной работе достаточного освещения.

Исследование истории восприятия русскими символистами личности и творчества А.С. Пушкина в работах Д. Макси-

мова «Поэзия и проза Ал. Блока», Н. Крутиковой «В начале века. Горький и символисты» и др. также заставляет авторов обратиться к вопросу эстетической оценки теоретиками русского символизма шестидесятников и в их числе к И.С. Тургеневу. Например, В. Мусатов в многоаспектной статье «Пушкин в эстетическом самосознании символистов» отмечает, что в качестве своих предшественников «уже в первом манифесте русского символизма – известной брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» – Мережковский называл не только Фета, Некрасова, Толстого, Достоевского, но даже Гончарова и Тургенева» [14, с. 42]. Ограничившись подобной констатацией, автор не развивает далее тему символистского осмысления И.С. Тургенева.

Почему русские символисты так мало внимания уделяли личности и творчеству И.С. Тургенева? Почему современные ученые обходят эту тему, хотя совершенно очевидно, что тургеневская традиция для развития русского символизма исключительно важна? На наш взгляд, такое отношение и символистов, и исследователей к данной проблеме объясняется, прежде всего, тем, что, рассматривая русскую литературу XIX столетия как целостное единство, противостоящее литературе модернизма, символисты мыслили как целостное единство и писателей, художественные достижения которых носили определяющий характер и сыграли свою роль в становлении этого нового литературного направления. Тютчев, Фет, Тургенев, Гончаров, Толстой, Достоевский – вот неполный перечень имен, на которые с первых своих шагов ориентировались русские символисты. И И.С. Тургенев, оказавшийся в этой «обойме», привлекал внимание символистов как априори являющийся предсимволистом и не требующий каких-то объяснений и свидетельств.

Известное же отношение к И.С. Тургеневу как предшественнику символизма в России сформулировал Д. Мережковский, называвший его «великим русским художником-импрессионистом», «так и не осознавшим своего истинного предназначения».

Следует отметить, что Д. Мережковский, по праву считающийся ведущим теоретиком русского символизма, в литературно-критических работах 1890-х годов заложил и основы символистской интерпретации творчества большинства русских писателей XIX века.

Изучение работ Д. Мережковского, посвященных непосредственно («Памяти Тургенева» (1893), «Тургенев» (1910), «Поэт вечной женственности» (1916)) или включающих частично вопрос об эстетической природе творчества И.С. Тургенева, позволяет говорить о важном вкладе теоретика символизма в осмысление наследия великого русского писателя. И хотя современниками, да и последующими поколениями ученых интерпретация тургеневского творчества Д. Мережковским харак-

теризовалась крайне негативно, исследования последних лет (монография В. Топорова «Странный Тургенев», статьи Е. Андрущенко, Л. Фризмана «Критик, эстетик, художник», А. Келли «Герцен против Шопенгауэра: ответ пессимизму» и др.) позволяют говорить о продуктивности избранного им подхода.

В знаменитой брошюре «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1893) Д. Мережковский утверждает, что «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности <...> с несравненной силой и полнотой воспроизводят...» [9, с. 538] великие русские писатели Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров. И первый, в котором он видит эти черты, – И.С. Тургенев. С него начинается Д. Мережковский свой отчет русского предсимволизма в литературе.

Отметив, что «русские рецензенты имели бестактность видеть в нем публициста» [9, с. 538], автор статьи говорит и о том, что сам И.С. Тургенев дал повод к таким оценкам, т. к. писал свои романы на жгучие общественные темы и в этом смысле «был все-таки литературный модник, то, что французы называют «модернист» [9, с. 538].

Д. Мережковский полагает, что И.С. Тургенев, как и все истинные поэты, не осознавал, в чем его подлинная сила, и даже как будто испытывал чувство вины в тех случаях, когда в его произведениях отсутствовала модная тема и традиционная реалистическая форма. В действительности же, считает автор статьи, с течением времени на второй план отходит все «злободневное» и открывается перед читателем подлинный, «нестареющий» И.С. Тургенев.

В подтверждение своей мысли критик упоминает письмо И.С. Тургенева к редактору «Вестника Европы» в связи с посылкой «Стихотворений в прозе», замечая следующее: «Великий русский поэт как будто просит снисхождения у г. Стасюлевича к своим лучшим созданиям. Он сам, по-видимому, не понимает их цены и не без некоторой нерешимости является перед русской публикой *только поэтом*, извиняясь за отсутствие обычной реалистической формы и модной темы. Художник не подозревает, что в двадцати строках «Стихотворений в прозе» он делает целые поэтические открытия...» [9, с. 538].

Отдавая дань должного уважения глубине проникновения Тургенева-писателя в суть современной ему действительности, Д. Мережковский истинную оригинальность его видит в другом – в создании полуфантастического, только ему одному доступного мира. «Вспомните поэмы в прозе – как будто полные гармонии и совершенства пушкинского стиха. «Живые мощи», «Бежин луг», «Довольно», «Призраки», «Собака», в особенности «Песнь торжествующей любви» и «Стихотворения в прозе». Вот где неподражаемый, оригинальный Тургенев, сам себе не знающий цены, вот где он царь обаятельного мира». При этом, отмечает критик, «комизм, уродство бытовых типов, людская пошлость служат ему, только чтобы отметить красоту фантастического» [9, с. 538].

Подлинной заслугой И.С. Тургенева теоретик русского символизма считает то, что рядом с Фетом, Тютчевым, Полонским, Майковым он продолжал дело А.С. Пушкина, он раздвигал пределы нашего русского понимания красоты, завоевал целые области еще неведомой чувствительности, открыл новые звуки, новые стороны русского языка.

Д. Мережковский выделяет две области поэтического творчества И.С. Тургенева, в которых он оказывается непре-

взойденным мастером, – это создание женских образов и описания природы. Причем оценки, даваемые автором работы этим сферам художественной деятельности писателя, отнюдь не бесспорны. Так, характеризуя женские образы романов И.С. Тургенева, Д. Мережковский причину тяготения писателя к фантастическому видит в том, что он «на этих женских видениях <...> отдыхает от пошлости и уродства живых, нефантастических людей, от близких его уму – не сердцу – вопросов дня» [9, с. 538]. «Таких идеальных девушек и женщин ни в России и нигде на земле не бывало» [9, с. 538], – отмечает критик, но, по его мнению, это ни в коей мере не умаляет достоинства творений, находящихся в родстве с «бесплотными» и «бескровными призраками» из новелл Эдгара По.

Вторая область, в которой И.С. Тургенев «никогда не изменяет себе», – изображение природы. Д. Мережковский говорит о том, что, рисуя природу, «великий русский художник-импрессионист» обнаруживает в ней «сверхъестественную жизнь» и красоту, тем самым обнажая свойственное писателю мистическое мироощущение. При этом владение тайнами языка достигает такого уровня совершенства, что в читателе вызывает «очарование природы с ясностью галлюцинации», подобное «настоящему поэтическому заклинанию».

Концепция тургеневского импрессионистического творчества, предложенная Д. Мережковским в работе «О причинах упадка...», отражает, прежде всего, ориентацию на основные эстетические принципы русского символизма, ассоциированные в значительной степени с бессознательным характером поэтического процесса. Это позволяет теоретику символизма нагляднее продемонстрировать содержание «нового идеалистического искусства», идущего на смену «утилитарному» реализму, и одновременно определить национальные истоки русского символизма. В то же время следует отметить, что концепция тургеневского творчества, предложенная в работе «О причинах упадка», носит как бы предварительный характер, устанавливая ту систему отношений, в которой теоретик символизма определяет место, принадлежащее И.С. Тургеневу в ряду предшественников символизма.

В последующих работах, непосредственно посвященных И.С. Тургеневу, Д. Мережковский постоянно стремится анализировать творчество писателя в историко-литературном и историко-философском контексте. Так, в статье «Памяти Тургенева» (1893), приуроченной к десятилетию со дня смерти писателя, критик отмечает, что этот коренной русский человек, связанный с народом «плотью и кровью», «сердцем и духом», «умеет преклоняться перед каждым прекрасным и могучим явлением всемирного человеческого духа». В этом Д. Мережковский усматривает верность И.С. Тургенева завещанию другого великого русского человека и русского писателя – А.С. Пушкина.

По мнению критика, сложнейшие противоречия, свойственные русской истории, «противоположность западной культуры и русской самобытности, превращаются в его душе (Тургенева – *Н. Л.*) в гармонию, в стройное и неразрывное сочетание».

Величайшей заслугой И.С. Тургенева автор статьи считает тот факт, что писатель «один из первых открыл удивленному Западу всю прелесть и силу русского духа», что этот «славянский гигант» (Флобер) представляет собой одно из самых крепких звеньев, связывающих русскую культуру с достижениями человечества.

Построив статью по принципу отыскания противоречий, свойственных писателю, Д. Мережковский усматривает их не только в том, что коренной русский человек – великий западник, но и в том, что И.С. Тургенев – эстетик, в то же время яростный противник рабства, своим творчеством содействовал освобождению крестьян и поэтому имеет полное право на «сердечную благодарность русского народа».

Отмечает критик и третью «великую противоположность», характерную для И.С. Тургенева, – противоположность «Веры и Знания». Для Д. Мережковского, теоретика символизма, утвердившего одним из его эстетических принципов ориентацию на бессознательный характер художественного творчества, очень важна эта черта – иррационализм, которую он отмечает у И.С. Тургенева. «Он не возмущался против «научной науки», подобно Толстому, не ищет от нее успокоения в мистицизме прошлых веков, подобно Достоевскому, в красоте законченных форм жизни, подобно Гончарову. Разлагающий разум его проникает в страшную сущность мира. А между тем сердце поэта, несмотря на все доводы разума, неутомимо жаждет чудесного и божественного. Мир... представляется ему гигантским, многогранным и многоцветным алмазом, повешенным над бездной в черном вечном мраке. Никто из поэтов с таким ужасом и возмущением не думал о смерти» [8, с. 89].

Д. Мережковский в своем стремлении донести до читателя мысль о богатстве и многогранности природы И.С. Тургенева, блестяще использует прием сопоставления, позволяющий высветить на таком благодатном фоне – Толстой, Достоевский, Гончаров – диалектическое единство «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», которое сообщает писателю мужество открыто смотреть в глаза смерти и бесстрашно бросать ей вызов.

Л.Г. Фризмэн, отмечая субъективные оценки в характеристиках Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, содержащиеся в работах теоретика символизма, объясняет избирательность взгляда, расстановку акцентов и гипертрофирование тех или иных черт творческого облика писателей стремлением критика полнее и глубже постичь природу их художественного наследия: «... и Тургенева, и Гончарова, и Достоевского, и даже Шекспира и Гете Мережковский видит в противоречивости их облика, в единстве сильных и слабых сторон, в единстве настолько органичном, что их недостатки являются продолжением достоинств и наоборот» [18, с. 458].

Определению религиозных взглядов писателя посвящена статья «Тургенев» (1910), включенная позднее Д. Мережковским в цикл очерков «Вечные спутники». Мнение о тургеневском «безбожии» критик убедительно опровергает, обращаясь к позднему периоду творчества писателя.

Одним из важнейших эстетических принципов нового идеалистического искусства Д. Мережковский определил мистическое содержание. Бесспорно, мистическое начало является наиболее существенной чертой, отличающей русский символизм от, например, французского. Да и за Д. Мережковским прочно укрепилась репутация мистика, хотя сам он часто выступал против мистицизма. Вопрос этот требует своего специального рассмотрения, а в данном случае следует остановиться на понятии Вечная Женственность, певцом которой Д. Мережковский называет И.С. Тургенева.

Остро критическое отношение ко всем уровням социальной и духовной жизни России, ощущение кризиса, чувство близкого конца «этого мира», осознание опасности гибели культуры,

которую подавит собой позитивистское, продажное, тиражируемое искусство, порождают в русских символистах и, прежде всего, у Д. Мережковского стремление развивать новое искусство, которое не только противостояло бы надвигающемуся ужасу «гибели духа», но само своим содержанием, своими целями способствовало бы обретению гармонии, утверждению идеала человеческих отношений.

Нетрадиционная трактовка важнейших вопросов бытия, разрабатывавшихся человечеством в области философии, истории, культуры, позволила Д. Мережковскому сформулировать основные положения эстетики символизма и субъективной критики, преследующей цель постижения «тайны духа» писателя.

Что касается нашей проблемы, то важно отметить следующее: символистская интерпретация творчества И.С. Тургенева дала возможность Д. Мережковскому, изменив угол зрения, расширить обсуждаемый круг проблем, затрагиваемых писателем, отказаться от хрестоматийно-социологического подхода к его произведениям, позволила взглянуть на И.С. Тургенева, традиционно оцениваемого как писателя-реалиста, глазами критика-импрессиониста.

Выводы. В предлагаемой работе трудно было бы охватить всю сумму фактов, представляющих интерес с данной точки зрения. Укажем лишь на те, изучение которых может оказаться наиболее плодотворным. Прежде всего, необходимо осветить вопрос об отношении и оценке И.С. Тургенева представителями символизма на разных этапах его развития, выяснить причины неоднородности критических суждений старших символистов (Д. Мережковского), младосимволистов (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова) и представителей околосимволистского окружения (В. Розанова, А. Волынского и др.), определить круг проблем в тургеневедении, решению которых больше всего внимания уделяли символисты.

Требуется углубленной разработки и проблема художественного освоения представителями русского символизма творческих достижений И.С. Тургенева, исследование вопроса эстетической функции тем и образов И.С. Тургенева в поэзии символистов, заимствований и параллелей, своеобразия интерпретаций.

Описание и объяснение процесса эстетического освоения русскими символистами творческого наследия И.С. Тургенева выступает главным доказательством того, что подлинно высокое искусство невозможно без высоких духовных и художественных ориентиров, и эти высокие ориентиры у символистов были, что убедительно подтверждается их отношением к творчеству великого русского писателя.

Литература:

1. Андрущенко Е.А. Критик, эстетик, художник / Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмэн // Мережковский Д.С. Эстетика и критика / Д.С. Мережковский. – М. : Искусство ; Х. : Фолио, 1994.
2. Белый А. Проблемы творчества / А. Белый. – М. : Советский писатель, 1988.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма / А. Белый. – М. : Советский писатель, 1994.
4. Блок А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Блок. – М.-Л. : Гослитиздат, Ленингр. от-ние, 1960–1963. – Т. 5. – 1962; Т. 8. – 1963.
5. Келли А. Герцен против Шопенгауэра: ответ пессимизму / А. Келли // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49.
6. Крутикова Н.Е. В начале века. Горький и символисты / Н.Е. Крутикова. – К. : Наукова думка, 1984.

7. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Максимов. – Л. : Советский писатель, 1975.
8. Мережковский Д.С. Эстетика и критика / Д.С. Мережковский. – М. ; Х. : Фолио, 1994.
9. Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский / Д. Мережковский // Вечные спутники. – М. : Республика, 1995.
10. Мережковский Д.С. Было и будет. Невоенный дневник / Д.С. Мережковский. – М. : Аграф, 2001.
11. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : [антология] / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николокина. – СПб. : Изд-во РГГУ, 2001.
12. Минц З.Г. Блок и традиции русской демократической литературы / З.Г. Минц / Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели / З.Г. Минц. – СПб. : Искусство, 2000.
13. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания / Н.К. Михайловский. – М. : Искусство, 1995.
14. Мусатов В.В. Пушкин в эстетическом самосознании символистов / В.В. Мусатов // Художественные традиции в историко-литературном процессе : межвузовский сборник. – Л., 1989. – С. 35–68.
15. Серебряный век в России / под ред. В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян. – М. : Радикс, 1993.
16. Топоров В.Н. Станный Тургенев (четыре главы) / В.Н. Топоров. – М. : Изд-во РГГУ, 1998.
17. Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12 т. / И.С. Тургенев. – М. : Наука, 1978.
18. Фризман Л.Г. Пушкин в концепции Мережковского / Л.Г. Фризман // Материалы и сообщения. Серия литературы и языка. – 1991. – Т. 50. – № 5.
19. Хуберт М.А. Основные принципы символистской субъективной критики в творчестве Д. Мережковского 90-х годов XIX столетия : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.А. Хуберт. – К. : Институт літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України, 2002.
20. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте / Е.М. Черноиваненко. – Одесса : Маяк, 1997.

Лебеденко Н. П. І. С. Тургенєв як попередник символізму (до 200-річчя з дня народження письменника)

Анотація. У статті здійснена спроба з нетрадиційної для сучасного літературознавства точки зору осмислити творчість І.С. Тургенєва як попередника символізму з опорою на естетичну рецепцію його мистецької спадщини представниками російського символізму. Містичний зміст, символи й імпресіонізм як ключові параметри символізму, сформульовані Д. Мережковським у роботі «Про причини занепаду і про нові течії сучасної російської літератури», в літературно-критичних нарисах представників цієї течії проєктуються на творчість І.С. Тургенєва.

Ключові слова: символізм, естетика, рецепція, попередник, спадщина.

Lebedenko N. Ivan Turgenev as a Precursor of Symbolism (to the 200th anniversary of the writer's birth)

Summary. The article deals with an attempt to interpret the work of Ivan Turgenev as a precursor of symbolism, what is untypical to the point of view of contemporary literary criticism. The analysis is based on the aesthetic reception of Turgenev's artistic heritage by representatives of Russian symbolism. Mystical content, symbols and impressionism as the key parameters of symbolism, formulated by D. Merezhkovsky in the work "On the causes of decline and on the new trends of contemporary Russian literature", in the literary critical essays of representatives of Russian symbolism are projected onto Turgenev's heritage.

Key words: symbolism, aesthetics, reception, predecessor, heritage.